

Айдаралиева Назира

Маара

16+

Назира Меирхановна Айдаралиева

Маара

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67289325

SelfPub; 2022

Аннотация

Действия разворачиваются в несуществующем племени, где-то в бразильских джунглях. К старейшине пришли супруги Маара и Чезге. Чезге хочет расторгнуть семейный союз со своей женой, потому что он полюбил другую. Брошенная Мара оказывается в трудных обстоятельствах. Извечная драма приобретает сюрреалистический характер.

Назира Айдаралиева

Маара

Двое мужчин разожгли посередине расчистки костёр, и к нему постепенно стали приходить люди. Уставшие от охоты и работ на плантации, индейцы неторопливо рассаживались вокруг очага. Кто-то садился на корточки, втыкая стрелы и копья в рыжий песок, кто-то плюхался на колени, упираясь руками. Когда на расчистку пришёл худенький сгорбленный Капинабе с высоким птичьим хохолком на голове, индейцы начали нескладно бить палками по лежавшим на песке брёвнам. Потом удары оборвались. В повисшей тишине сильно запахло свежей краской, которой раскрасил себя Капинабе. Черные волны на его спине пахли углём и смолой.

Чеэге, его жена Маара и юная Каагью тоже пришли на совет раскрашенными. От макушки до пояса они были целиком покрыты охрой. Лицо Чеэге от желтого цвета казалось надутым и глупым. Если бы не задранный подбородок, по которому мелкой сыпью проступала щетина, в нём трудно было бы узнать воина или охотника. Каагью смотрела на всех исподлобья. Её очерченные охрой глаза быстро бегали, ни на чём подолгу не останавливаясь. Маара выглядела мрачно. Она сидела, не двигаясь, и словно большой валун выступала над другими людьми. Рядом с ней отплясывало пламя кост-

ра. И казалось, если одна ветка вдруг лопнет и перекинется огнём на её тело, она и тогда не пошевелится.

Все трое были приглашены на совет, чтобы закончить оживленные пересуды, которые кружили вокруг них. С тех пор как юная Каагью прошла посвящение в женщину, Чеэге стал за ней ухаживать. Словно свободный мужчина, он носил ей бананы, дарил перья, звал с собой в лес. Индейцы недовольно говорили: «Если мужчины будут менять женщин, то откуда мы будем знать, чьи рождаются дети!»

Устав от косых взглядов и порицаний, Чеэге попросил Капинабе развести его с Маарой и позволить жить с юной Каагью.

– Вот вы ругаете меня: Чеэге, у тебя уже есть жена, зачем ты хочешь взять в жёны другую, – начал он свою речь на совете. – Но моя жена – настоящая змея! Она не знает, что такое почитать мужчину! Она только недовольно смотрит своими глазницами, и во взгляде её одна тьма. Другие жёны поют красивые песни, когда мужья возвращаются с походов. А Маара молча даёт мне два-три плода и уходит. Когда я брал Маару в жёны, то рассчитывал, что её бедра скоро округлятся, потому и кормил. Вместо этого она только растёт и растёт. А еще растёт её сила! Иногда тыкнешь в неё палкой, а она как схватит её и к себе с такой силой потянет, что потом задумаешься, женщина ли она вообще. Когда я вижу, как Маара трясёт дикий орех, то я не сомневаюсь, что она легко может сдавить и мое горло.

Индейцы молча слушали Чеэге, никто не перебил его, никто ему не возразил. Маара давно пугала всех своим необычным ростом. Поэтому, согласившись с ним в одном, люди легко поверили во всё остальное. Маару и Каагью спрашивать не стали. Женщины, как говорили индейцы, только всё запутают. Поэтому сразу после выступления Чеэге Капинабе принял решение. Он тяжело разжевывал табак, когда обратился к людям. Из-за чего часть его слов была непонятна. Но главное всё-таки индейцы услышали. Неверному мужу разрешили взять новую жену только с одним условием. До следующей полной луны молодожёны будут привязаны друг к другу одной рукой, от плеч до кистей. «Веревки скрепят их чувства», – пробормотал Капинабе, и на этом совет был окончен.

Когда угаснул клич «уи, уи, уи», который знаменовал окончание совета. Стали слышны звуки леса, они прыгали то вверх, то вниз. Это пели ночные птицы и квакали на воде жабы. Заросли, куда один за другим уходили люди, тоже успокоились. Лишь птичий хохолок старого Капинабе чуть задержался над их высокими кустами. На расчистке осталась одна Маара.

«Ненужная, выброшенная, – думала о себе она. – Неужели я была плохой женой? Я не боялась труда, работала день и ночь. А теперь другую Чеэге будет кормить мясом. А мне останется ловить насекомых да ящериц. Если бы только Чеэ-

ге побили палками, бросили в овраг, погнали бы прочь, но нет, ему дали всё, что он пожелал. Меня же выбросили как сломанный лук».

Ветер прошелся по верхушкам деревьев, и ветки тростника засвистели. «Вы что-то говорите мне, духи? – услышала их Маара, – Говорите громче. Мне не разобрать ваших слов!». Но свист прекратился. Ничего не услышав, Маара закрыла глаза и заплакала.

Вдруг в кустах хрустнула ветка, потом ещё одна и ещё. Маара повернулась и увидела, как из зарослей вышел взрослый ягуар. Он пересёк зачистку, даже не обернувшись на неё, и скрылся в гуще травы. Немного погодя послышались вопли: «Маара превратилась в Ягуара! Маара превратилась в Ягуара!» Когда же она сама вышла из зарослей, люди быстро, то ли прячась, то ли убегая, разошлись по домам.

Ночь Маара провела на улице. Не в силах искать себе ночлег, она уснула прямо на земле. На следующее утро индейцы проснулись от того, что кто-то спозаранку рубил деревья и ломал ветки. Они вышли из своих хижин и начали спрашивать друг друга «Кто так рано работает в лесу?» Увидев Маару, которая волочила за собой стволы деревьев, люди неодобрительно качали головами. Целый день ушел у неё на то, чтобы поставить опоры и перевязать их веревкой. Наконец, вечером несколькими пальмовыми листьями Маара застелила крышу. Получилась маленькая круглая хижина с двумя выходами. Пока шла работа, её мысли были дале-

ки от чувств. Мозоли на ладонях вытеснили страх и обиду. Но сердце снова заняло, когда на другой день она встретила Чеэге.

Её муж сидел на земле и доставал занозу из пятки своей новой женщины. Во рту Маары вмиг пересохло. Наблюдая, как он нарочно гримасничал, чтобы развеселить Каагью, она сильно сжала зубы и издала ими глухой скрежет. Тяжело было и от того, что висящие концы веревок, которыми завязали руки этой паре, придавали им нарядный И другие индейцы, проходя мимо, радовались и поздравляли их. В то время как Маара кипела изнутри. Счастье мужа она не видела и не желала признавать.

Когда стемнело, Маара сняла со своей шеи ожерелье из ракушек и зубов, чтобы их щебетание не выдало её в темноте, и стала бесшумно подбираться к хижине Чеэге и Каагью. В полукруге плотно стоящих друг за другом домов, хижина Чеэге была последней. Маара подошла к ней со стороны леса. Сквозь щели в листьях и прогнивших опорах просачивался колеблющийся свет огня. Перед самой стеной росли широкой полосой колючки. Маара нашла на земле палку и аккуратно отодвинула их в сторону. Получился проход, который позволил ей примкнуть к хижине. Теперь она всё видела и слышала, как если бы находилась внутри.

– Постой, мне не встать, – хрипло сказал Чеэге.

– Слишком много ты съел супа. В твой живот залезла змея, теперь она крутится, не давая тебе покоя, – отвечала

Каагью, сидя перед ним на коленях.

– Нет, это твоя мама... плохо промыла мясо.

– Ты говоришь неправду! Когда мясо плохо промыто, оно горчит. Я бы сразу почувствовала. Ты завтра поправишься и будешь благодарить её за то, что не остался голодным.

Что-то жужащее пролетело перед лицом Маары. Она быстро отмахнулась и снова примкнула к стене.

– Как же я схожу за водой? Тебе тоже нужно идти. Вставай! – Каагью тянула его из-за всех сил, но Чеэге размяк и разом потяжелел.

– Не пойду. Это женская работа, – ответил Чеэге, собираясь лечь на живот.

– Смотри, как бы тебе потом не стало хуже.

Облака на небе поредели, и луна засветила в полную силу. Мааре показалось, что стало светать, она хотела выглянуть из-под колючек, чтобы увидеть полосу зари, но кружащий над ней комар сбил её с толку. Потом жужжание прекратилось, потому что комар сел Мааре на плечо. Она тут же прибила его одним хлопком.

– Слышал, кто-то убил комара, – испуганно сказала Каагью. Чеэге тоже прислушался. Забыв про недуг, он резко встал, и они вместе направились к выходу. Их руки, связанные плотной веревкой, стали еще ближе, потому что крепко сцепились пальцами. Маара бесшумно поднялась и вернулась домой незамеченной. Не понимая, что именно в подслушанном разговоре её успокоило, она, недолго помечтав о

новом гамаке из хлопчатника, быстро уснула.

Несколько дней потом шли дожди. Вода в реке сильно поднялась, затопив побережье. Когда же она сошла, это было лучшее время для рыбной ловли. Поэтому индейцы все вместе отправились к реке. Чеэге и Каагью тоже пришли рыбачить. В свободной руке у Чеэге была большая палка, которой он сбивал траву вдоль тропинок. От его махов с земли поднялась пыль, а над головами людей закружила пыльца. Удары не прекратились, даже когда Чеэге и Каагью спустились в воду. Только теперь он бил не по траве, а по воде. Огромные колючие брызги полетели на людей, заставляя их врассыпную бежать на берег.

Когда удары закончились, вода в реке стала мутной. Вся рыба спряталась под листьями. Чеэге был опытным рыболовом и знал, что теперь её можно схватить с травой в охапку. Одной рукой это было трудно сделать, поэтому он поговорил Каагью. Но, сколько раз они ни пытались, рыба легко ускользала. С каждой неудачей Чеэге злился всё сильнее. Шея его краснела, а глаза пучились, словно вырывались наружу. Оставив попытки, они потащились на берег, но у самого выхода поскользнулись. Связанная пара некрасиво упала и снова окатила людей брызгами. На этот раз индейцы громко рассмеялись. Потом, передразнивая и показывая на них пальцами, они проводили неудачливую пару до самого дома.

С тех пор Чеэге и Каагью редко выходили из своей хижины. Когда же они появлялись, то всегда ссорились. Один хо-

тел сесть, другой прилечь. Один собирался налево, другой направо. Работа, охота у них не получались. Со временем их ссоры переросли в драки. На их телах появились синяки и царапины. Однажды Чеэге попытался разрезать веревки. Люди это увидели и в наказание разобрали его хижину. Потеряв кров, связанная пара вынуждена была жить у всех на глазах. Как больные собаки, Чеэге и Каагыю стали ютиться на земле под палящим солнцем, то и дело поскуливая.

Тем временем Маара приобщилась к охоте. Сначала её рацион состоял только из плодов, которые надкусывали и выбрасывали обезьяны. Потом она научилась находить по запаху крабов. Как-то, собирая хворост, Маара заметила возле реки маленьких черепашек. Когда весь помёт подрос, она вернулась за ними, чтобы приготовить из них черепаший суп. В тот день ей впервые удалось накормить себя досыта. Индейцы долгое время не замечали её успехов. Но скоро на её костре появились тушки животных, которые имели неприятные раны. Тогда индейцы взялись обучать её стрельбе из лука, чтобы она больше не охотилась с маленьким топором.

Жизнь Маара стала целиком крутиться вокруг охоты. Мечтая подстрелить обезьяну, которая пряталась высоко в кронах деревьев, она оттачивала стрелы и ежедневно практиковалась в стрельбе. Обезьяна-ревун дразнила её, размахивая своими длинными руками и подпрыгивая на ветке каждый раз, когда до неё не долетала стрела. Однажды, соби-

раясь в очередной раз её подстрелить, Маара проходила зачистку и слышала знакомый голос.

– Маара, эй Маара, подойди поближе, пожалей меня. Смотри, как страдает мое тело, разве тебе меня не жалко?

Это был похудевший, высохший на жаре Чеэге. Рядом с ним, в неудобной позе спала Каагью. По её взлохмаченным волосам ползали насекомые, которых он, сдавливая пальцами, съедал. Голос Чеэге звучал от хрипоты одновременно мягко и грубо.

– Мы ведь совсем недавно лежали с тобой в гамаке. Какая ты была молчаливая, тихая. А теперь у меня болят уши, потому что эта женщина слишком много говорит. Я видел возле твоей хижины, Маара, тушку дикого кабана. Ты ходила на охоту? Что ж, это неудивительно, твои руки такие сильные, что ты запросто удавишь любого зверя. Тебе не нужен мужчина. Посмотри, скоро заплачет небо, ему жалко смотреть на твоего голодного мужа. Дай мне кусочек мяса, пока эта женщина спит сном тапиры. Если она увидит еду, то начнёт носиться как комар. Я два дня ничего не ел. Пожалей меня.

К концу месяца жалобные стоны Чеэге и Каагью всех утомили. Эти двое, говорили люди, хуже ленивой скотины или злой собаки. Поэтому, когда Капинабе взял свой мачете, чтобы перерубить злополучные веревки, индейцы обрадовались не меньше самих узников. Люди увились за Капинабе хвостом, танцуя и прихлопывая, словно на праздничной церемонии. Птицы тоже подняли шум. Прямо над головой Ма-

ары они неожиданно взметнулись вверх, уводя за собой её взор. Потом из множества черных точек на небе сложилось существо, свирепо раскрывающее свою пасть. Взгляд Маары похолодел. Словно на охоте, она, выделив цель и не замечая всего остального, стала медленно пробираться через людей к Чеэге.

Изношенные, потрепанные веревки одна за другой падали на землю каскадом. Ошалевшие от приближающейся свободы, Чеэге и Каагью дёргались и крутились, мешая Капинабе их освободить. Песок сыпался от тел и спадал кусками, возвращая бронзовый оттенок их коже. Наконец последний узел на глазах у всех был разрезан. В тот же миг оба узника кинулись бежать. Сшибая людей, они, как испуганные пожаром звери, мчались, не ведая куда, лишь бы подальше друг от друга. У самого леса Чеэге забрался на дерево и, размахивая освобожденной рукой, стал прыгать по веткам, напоминая обезьяну-ревуна. Поток воздуха окатил Маару и ожерелье на её шее затрещало. Маара выпрямила руку, в которой всё это время сжимала лук, приставила к нему стрелу из связки за плечом, натянула тетиву и прицелилась.